

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE

УДК 316.733

DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-2-0-2

Оригинальная статья

Чанкова Е. В.¹
Сорокин О. В.²

Коммуникативная компетентность россиян

¹Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова
Россия, Москва, Стремянный переулок, д. 36, 117997
chev3@yandex.ru

²Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН
Россия, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1, 119333
ov.sorokin@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена обоснованию социокультурных особенностей формирования коммуникативной компетентности и ее реализации в сфере межличностных взаимодействий современных россиян. Исследовательская проблема заключается в нарастании интенсивности процессов трансформации межличностных контактов в виртуальную среду. Причиной тому – процессы цифровизации, усиленные карантинными мероприятиями в период пандемии. Значимость исследования определяется необходимостью выявления сущности трансформирующегося феномена для понимания социокультурных механизмов формирования иной реальности и иной коммуникативной компетентности. Поскольку современное российское социокультурное пространство интегрировано в общемировые тенденции, феномен коммуникативной компетентности рассмотрен с позиции современных кросскультурных связей – как фактор интеграции мирового сообщества в условиях современных вызовов. Результаты проведенного исследования показали, что коммуникативная компетентность россиян в их повседневных имеет институциональную природу и сформирована под влиянием исторически обусловленных традиций. Коммуникативная компетентность характеризуется высокой ценностью общего социального пространства и коллективным характером его поддержания, приверженностью норме коммуникации как смыслообразующему ориентиру коллективности. При этом наблюдается разрыв между терминальными целями и инструментальными средствами их реализации в неэффективных стратегиях поведения. Сфера первичных социальных контактов (семья, друзья) определена россиянами как самая безопасная в их социальной реальности. Многонациональные и мигрантские социальные круги, предпринимательство, по данным исследования, являются зоной коммуникативной неуверенности россиян. На этом неоднозначном фоне респонденты оценивают уровень своей коммуникативной компетентности как высокий и достаточно высокий, что свидетельствует об их интеграции в своем социокультурном пространстве с развитыми механизмами

компенсации инструментальных коммуникативных дефицитов. Представленные результаты являются вкладом в понимание тенденций развития российского социокультурного пространства как целого, так и части мирового социокультурного пространства.

Ключевые слова: современные межличностные взаимодействия; коммуникативная компетентность институционального типа; традиционная основа институциональной коммуникативной компетентности

Благодарность: исследование проведено в рамках проекта РФФИ, грант № 20-011-00585 «Саморегуляция жизнедеятельности молодежи в изменяющейся социальной реальности».

Информация для цитирования: Чанкова Е. В., Сорокин О. В. Коммуникативная компетентность россиян // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 2. С. 10-25. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-2-0-2.

Original article

Elena V. Chankova¹
Oleg V. Sorokin²

Communicative competence of Russians

¹Plekhanov Russian University of Economics
36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation
chev3@yandex.ru

²Institute for Socio-Political Research Federal Center of theoretical and applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
bld. 1, 6 Fotieva St., Moscow, 119333, Russian Federation
ov.sorokin@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the issues of communicative competence in the field of interpersonal contacts of modern Russians. The research problem lies in the increasing intensity of the processes of transformation of interpersonal contacts into a virtual environment. The reason for this is the digitalization processes, reinforced by quarantine measures during the pandemic. The significance of the study is determined by the need to identify the essence of the transforming phenomenon in order to understand the socio-cultural mechanisms of the formation of a different reality and different communicative competence. Since the modern Russian socio-cultural space is integrated into global trends, the phenomenon of communicative competence is considered from the standpoint of modern cross-cultural ties, as a factor in the integration of the world community in the face of modern challenges. The results of the study showed that the communicative competence of Russians in their daily interpersonal contacts is of an institutional nature and is formed under the influence of historically conditioned traditions. Communicative competence is characterized by a high value of the common social space and the collective nature of its maintenance, adherence to the norm of communication as a sense-forming landmark of collectivity. At the same time, there is a gap between terminal goals and tools for their implementation in ineffective strategies of behavior. The sphere of primary social contacts (family, friends) is defined by Russians as the safest in their changing social reality. Zones of communicative success (family, friends) and insecurity of Russians (multinational and migrant social circles, entrepreneurship) were identified. Against this contradictory background, Russians assess their level of communicative efficiency as

high and sufficiently high, which indicates their integration in their socio-cultural space with developed mechanisms for compensating for instrumental deficits. The presented results are a contribution to understanding the development trends of the Russian sociocultural space as a whole and as a part of the world sociocultural space.

Keywords: modern interpersonal interaction; communicative competence of an institutional type; the traditional basis of institutional communicative competence

Acknowledgment: the research was carried out within the framework of the RFBR project, grant No. 20-011-00585 “Self-regulation of youth life in a changing social reality”.

Information for citation: Chankova, E. V., Sorokin, O. V. (2021), “Communicative competence of Russians”, *Research Result. Sociology and management*, 7 (2), 10-25, DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-2-0-2.

Введение (Introduction). Формирование межличностных социальных связей, интегрирующих социальное пространство на уровне повседневных социальных взаимодействий, приобретает особую актуальность на фоне социальных трансформаций. Рост неопределенности, цифровизация и виртуализация коммуникативного пространства, снижение роли некогда привычных институциональных регуляторов переводит задачу сохранения социальных связей на уровень коммуникативной компетентности отдельных личностей.

Подобные исследования особенно актуальны в условиях современных противоречивых трендов. С одной стороны, интенсивность преобразования межличностных коммуникаций в виртуальные цифровые требуют понимания исходных характеристик трансформирующихся коммуникаций и коммуникативной компетентности. Это позволяет проследить направленность изменения современных коммуникаций в интенсивно преобразующемся социокультурном пространстве, выявить наиболее устойчивые механизмы саморегуляции коммуникативной компетентности в изменяющейся реальности.

С другой стороны, развивающийся тренд глобализации и нарастания кросс-культурных коммуникаций, социокультурной диффузии между странами происходит на фоне воспроизводства социокультурных особенностей, сформированных исторически. Традиции, существующие на уровне глубинных смыслов, часто

не подвергаются рефлексии, но повторяются на практике и во многом определяют социокультурный контекст взаимодействий и обеспечивающей их коммуникативной компетентности. Понимание подобного рода механизмов и процессов на уровне межличностных контактов в межкультурных взаимодействиях может способствовать снижению культурных барьеров и повышению уровня международной интеграции (Rodin, 2016; Turner, 2018; Womack, 2000; Ting-Toomey, 2018; Bogolubova, 2017).

В данной статье приводятся результаты исследования коммуникативной компетентности личности в современных межличностных практиках взаимодействия, позволяющие понять традиционные основы построения социальности с учетом российской ментальности.

Коммуникативная компетентность личности в современных российских практиках рассматривается как фактор интеграции российского социокультурного пространства в условиях повышения угрозы разрывов коммуникаций как следствия роста неопределенности. Данный тренд распространяется на социокультурное пространство мирового сообщества, и особенно коммуникативной компетентности могут быть учтены и встроены в общемировое социологическое знание.

Методология и методы (Methodology and methods). В статье представлены результаты письменного опроса, проведенного автором в Москве и Московской об-

ласти в 2010-2012 г.г. (N=360, выборка целевая), а также исследования, проведенного совместно с Центром социологии молодежи Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН «Саморегуляция жизнедеятельности молодежи в изменяющейся социально реальности» осенью 2020 года в столичных вузах (Чанкова, Сорокин, 2021). Опрос проведен в гугл-формате методом снежного кома и носил пилотный характер. Количество опрошенных составило 100 человек в возрасте 17-19 лет.

Концепция исследования обоснована теорией социальной реальности (А. Шюц), особенностями ее конструирования (П. Бергер, Т. Лукман), пониманием социокультурных механизмов изменяющейся социально реальности (Зубок и Чупров, 2017), теорией социального действия (Т. Парсонс), концепцией коммуникативного действия и его взаимосвязи с моральным сознанием (Ю. Хабермас).

Обращение к концепции социального действия Т. Парсонса связано с описанием институциональных форм поведения человека, когда ценности, нормы, правила упорядочивают действия субъекта и придают им целесообразность (Парсонс, 1996). Помимо социального действия, Т. Парсонс выделяет более общий контур жизнедеятельности актора: личность актора, социальная система, культурная система, приводящие общество к жизнеспособности и равновесию благодаря взаимодействию данных трех элементов. На наш взгляд, благодаря коммуникативной компетентности личность становится способной к данной триаде и взаимодействию в ней. Реализуется коммуникативная компетентность благодаря институциональному механизму своего формирования. В коммуникативной компетентности проявлены особенности как саморегуляционных, так и целеориентированных институциональных механизмов (Чупров, 2011: 95). В институциональных социальных структурах целеориентированные механизмы формирования коммуникативной компетентно-

сти, включающие социально-конвенциональные, нормативно-санкционирующие и нормативно-ориентирующие, играют ведущую роль. Социокультурные механизмы коммуникативной компетентности формируются и проявляются в ходе развития институтов, когда утверждаются такие способы коммуникативно компетентного поведения, которые выполняются большинством и интериоризируются в общественном сознании. Внешние факторы эволюции институционального механизма коммуникативной компетентности: повышение роли личности в жизни социума, цифровизация (Чупров, 2011: 95) – обуславливают рационализацию проявлений коммуникативной компетентности личности и ее независимость от системы.

Институциональный механизм саморегуляционного характера, формирующийся под влиянием снижающейся роли системы в жизни личности, под влиянием информационных технологий, приводит коммуникативную компетентность к изменениям и является пусковым фактором динамических процессов в ее структуре.

Социальная реальность, рассматриваемая как «вся совокупность объектов и событий в социокультурном мире как объект обыденного сознания людей, живущих своей повседневной жизнью среди себе подобных и связанных с ними разнообразными отношениями интеракций» (Шюц, 1994: 485). Социальная реальность индивида как продукт его жизненного опыта является динамической структурой и под влиянием опыта подвергается переосмыслению и переконструированию. Коммуникативная реальность является результатом осмысления и конструирования индивидом своего коммуникативного опыта, и коммуникативная компетентность, обеспечивающая эффективность интеракций, также подвергается изменениям (Зубок, Чупров, 2017).

Концепция конструирования социальной реальности индивидом позволяет вскрыть механизмы построения им его повседневных социальных связей. Социаль-

ная реальность рассматривается как отраженная в индивидуальном сознании объективная действительность – в ходе взаимодействия с другим. Обращение к структурам сознания индивида в построении его социальных связей обнаруживает потенциал менталитета, архетипов, коллективного сознания в структуре коммуникативной компетентности личности и позволяет учитывать социокультурные особенности коммуникации, сложившиеся исторически и обусловленные глубинными структурами памяти и сознания. Данная постановка исследовательского вопроса открывает перспективы для понимания особенностей и построения прогнозов кросскультурных и межнациональных взаимодействий в условиях роста глобализации.

Коммуникативная компетентность личности трактуется автором «...как способность обеспечивать свою социальность и сохранять социальные связи в условиях изменяющейся реальности посредством владения знаниями, ценностями, нормами и умениями коммуникации на основе следующих принципов: интериоризации изменчивости как имманентной характеристики современности; опознавания, типизации и рационализации ожиданий с учетом изменяющихся условий; рефлексии социокультурных оснований коммуникативных взаимодействий; выработки новых норм коммуникации и коммуникативных практик; самостоятельного регулирования коммуникативных взаимодействий на основе рефлексивного выбора ее оптимального режима» (Чанкова, 2018: 17).

Интериоризация стабильности как имманентной характеристики пространства межличностных взаимодействий; опознавание, типизация и рационализация ожиданий на основе статусно-ролевых оснований поведения; саморегуляция коммуникации на основе однозначно одобряемого выбора в рамках социального института; жесткие формы регуляции институциональных ценностно-нормативных структур; использование готовых одобряемых социокультурных норм и образцов

действий – являются целеориентированными институциональными механизмами в формировании коммуникативной компетентности институционального типа. Исследование характеристик коммуникативной компетентности в межличностной институциональной среде позволяет увидеть преемственность в изменениях в коммуникативной компетентности личности в условиях изменения социальной реальности. Выявление данной преемственности определяет понимание развития саморегуляционного механизма в формировании коммуникативной компетентности. Важно понимать, что в условиях дифференцированных социокультурных сред коммуникативная компетентность сохраняет свою структуру, а изменениям подвергаются ее элементы: ценности, нормы, умения, способы поведения, картина жизненного мира (Чанкова, 2018: 17).

Концепция коммуникативного действия Ю. Хабермаса опирается на характеристики сознания в их взаимосвязи с моральным сознанием. Данная взаимосвязь названных категорий проявляется, по Ю. Хабермасу, в доконвенциональных, конвенциональных и постконвенциональных интеракциях (Хабермас, 2010). По мнению автора, в зависимости от развитости морального сознания, у акторов могут иметь место разные мотивы вступления в интеракцию, которое определяют различное понимание нормы коммуникации. Данный подход к пониманию взаимодействий содержит допущение вероятности неотрефлексированных моральных представлений о коммуникации. В данном понимании проявляется взаимосвязь с традиционным укладом построения взаимоотношений как механизмом коммуникативной компетентности.

Рассмотренные практики россиян представляют собой межличностные повседневные взаимодействия, использующие сформированные культурой средства коммуникации в полном их объеме и регулируемые институционально. Для межличностных повседневных коммуникаций

Кловайтом Н. найдена точная метафора, отражающая характер данного вила коммуникаций и получившая название «полнотелесности» (Кловайт, 2015: 177).

В подобных интеракциях институционально разработанные и зафиксированные в сознании индивидов регуляторы социокультурных связей являются основой коммуникации. Социокультурные нормы и правила являются культурными детерминантами и смысловыми опорами выбора средств коммуникации. Нормативные представления, таким образом, выступают фактором саморегуляции коммуникации, а их усвоение – задачей коммуникативной компетентности.

Взаимные ожидания в институциональных взаимодействиях играют существенную роль, они определяют формирование стратегий поведения, дисциплинируют, устанавливают зоны репутационных рисков в случае несоответствия ожиданиям.

Безусловно, нормативные представления и взаимные ожидания порождают образцы поведения, оказывающие культурно давление на индивидов. Подобными примерами культурного давления могут быть правила этикета, правила для определенных ситуаций, регулирующие более внимательный отбор средств коммуникации.

Другой тип контактов основан на другого рода принципах и реализуется в виртуальных взаимодействиях.

Выборка для эмпирической верификации коммуникативной компетентности формировалась на основе данных двух типов интеракций. Так как дифференцирование выборочной совокупности строилось по одному признаку – способу взаимодействий респондентов, выделились две подгруппы: «реальных интеракций» и «виртуальных интеракций». Данные условные названия не сужают смысла способов коммуникации и способов взаимодействия и коммуникативной компетентности в них, но помогают выявить значимые различия для исследования коммуникативной ком-

петентности в условиях изменяющейся социально реальности. Однородность характера групп с точки зрения доминирующего взаимодействия определила применение метода целевой выборки (Ядов, 1972). В «реальной» и «виртуальной» группах было опрошено по 175 респондентов.

Отметим, что для метода целевой выборки количество опрошенных респондентов не является решающим фактором при определении степени валидности полученных результатов. Вместе с тем данный опрос в совокупности с проведенным в 2020 году опросом, имеющим пилотную направленность, носит характер в большей степени утверждения концепции коммуникативной компетентности личности в условиях изменяющейся социально реальности и определения устойчивых тенденций ее проявления в российских коммуникативных практиках.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Предметом анализа реальных интеракций стали представления респондентов о коммуникации и ее функциях, отражение ценностно-нормативных оснований коммуникативной компетентности в социальной реальности респондентов. Характер коммуникативных умений и поведенческих установок респондентов позволил выявить соотношение терминальных ценностей - целей и инструментальных ценностей-средств в реализации коммуникативной компетентности институционального характера. Эти элементы анализа представляются весомыми параметрами повышения эффективности процесса коммуникации, существенными чертами коммуникативной компетентности.

Классификация социальных связей по степени долговременности и устойчивости контактов положена в основу представлений респондентов о коммуникации (Штомпка, 2005).

Распределение показало (допускался выбор нескольких позиций), что 56% ответивших под коммуникацией понимают нахождение в социальном пространстве,

63% – связывают коммуникацию с разговорами, 49% – с деловыми контактами. 31% респондентов видят коммуникацию как устойчивые отношения. При этом только для каждого третьего (29%) коммуникация – это «треп о приятных пустяках» и для 23% – необязывающие контакты иногда. Для большинства ответивших коммуникация связывается с прочными долговремен-

ными отношениями, общим делом. Социальное пространство связывается с экзистенциальными смыслами, представляется как базовая основа жизни, а коммуникативная компетентность по своей структуре тяготеет к терминальным ценностям.

При оценке степени значимости социальных связей в своей жизни респонденты ответили следующим образом.

Степень значимости социальных связей (в индексах)¹

Таблица 1

Table 1

Degree of importance of social ties (indices)

Вид социальных связей / Type of social connections	Индекс значимости социальных связей / Social Connections Significance Index
Устойчивости отношений / Sustainable relationship	0,62
Нахождение среди людей / Being among people	0,53
Общие дела / Common affairs	0,53
Разговоры на разные темы / Conversation on different topics	0,44
Необязывающие контакты / Non-binding contacts	0,30
Оказание воздействия / Providing impact	0,22
Треп о пустяках / Talk about trifles	-0,13

В соответствии с распределением, наиболее высокий индекс значимости получили «устойчивые отношения», «нахождение среди людей» и «общие дела» (0,62; 0,53 и 0,53 соответственно). Данный выбор ответивших связан с общими коллективными ценностями, определяющими однородное социальное пространство, в котором ответившие чувствуют себя «среди людей». В нем респондентам важно иметь совместную значимую деятельность, основанную на сходных ценностях. Устойчивость отношениям придают социокультурные регуляторы, а механизм их

формирования связан с подтверждением взаимных ожиданий, что выражается через институциональность. Ощутимы терминальные ценности в устойчивых социальных связях как характеристика коммуникативной компетентности, опора в коммуникации на определенность и однозначность своего жизненного мира.

Устойчивые отношения характерны для семейной и деловой сфер. Эти зоны взаимодействия определяют доминирующее содержание социально жизни респондентов. Необязывающие же контакты (с индексом значимости 0,30) – оцениваются

¹ Индекс значимости социальных связей рассчитывался по формуле $(1 \cdot A) + (0,5 \cdot B) + (-1 \cdot C) / 100\%$, где А – высокая степень значимости, В – невысокая степень значимости, С – низкая степень значимости социальных связей. Индекс может принимать значение от +1 до -1, где +1 обозначает полное признание значимости социальных связей, а -1 – абсолютная незначимость социальных связей.

значительно ниже по степени значимости. «Треп о пустяках» имеет отрицательный индекс значимости, что характеризует наполнение социальных связей.

Полученные эмпирические данные соответствуют характеристикам россиян, описанным в подобных исследованиях (Зотов, 2017; Осадчая, 2013; Реутов, 2012)

и определяют область отчетливого проявления компетентности личности в коммуникации.

Представления об основных функциях коммуникации – поддерживающей, социальной, экспрессивной, инструментальной-выглядят следующим образом.

Таблица 2

Отображение функций коммуникации в представлениях респондентов
(в индексах значимости)¹

Table 2

Display of communication functions in respondents' views (significance indices)

Отображения коммуникативных функций / Communication function representations	Индексы значимости/ Indices
Важно осознавать, что Вы не одни / It is important to realize that you are not alone	0,03
Проще решать профессиональные вопросы / It is easier to solve professional issues	-0,01
Важна поддержка и принятие окружения / Support and acceptance of the environment are important	-0,04
Легче справляться с трудными ситуациями / It is easier to deal with difficult situations	-0,05

Для социальной функции, когда «важно осознавать, что Вы не одни» – индекс значимости имеет величину 0,03, является самым высоким и подтверждает значимость терминальных ценностей в коммуникативной компетентности. Инструментальная (-0,01), экспрессивная (-0,04) и поддерживающая (-0,05), хотя и связывается с ценностью общего пространства, тем не менее подразумевает применение соответствующего прикладного инструментария, значимость которого на фоне социальной функции выглядит невыигрышно. Можно предположить из данного распределения, что инструментальные ценности – средства в структуре коммуникативной компетентности не являются значимыми. Взаимодействия создают общее простран-

во жизнедеятельности, общий социальный фон респондентов. А средства коммуникации оказываются существенно менее значимы. Таким образом, по распределению степени значимости функций коммуникации доминирующую величину имеет социальная функция, остальные функции, требующие большей инструментализации, ценятся значительно ниже.

Представленный ниже результат о целях респондентов в коммуникациях коррелирует с их представлениями о значимости коммуникаций в жизни людей. Как показывает распределение, социальная цель коммуникации, направленная на сохранение и поддержание социальных связей, коллективистического уклада жизни – является значимой для 80,4% ответивших,

¹ Расчет индекса. Индекс значимости функций коммуникации конструируется как разность между положительным (очень высока степень значимости) и отрицательным (не значимо) ответами респондентов, соотношенная с общим числом опрошенных. Принимает значения от -1 (абсолютно незначимо) до +1 (Очень значимо). Индекс 0 означает разделение значимости.

что указывает на традиционные культурные корни российской коллективной жизни.

Достижение же своей цели, то есть прагматический аспект в целеполагании в коммуникации, связанный с ее инструментализацией – характерен лишь для 19,6% ответивших. Коммуникативная компетент-

ность в институционально регулируемых межличностных отношениях на целевом уровне обусловлена исторически сложившейся традиционной культурой.

Описание соотношения у респондентов цели коммуникации с мотивами вступления в коммуникацию приведено ниже.

Таблица 3

Мотивы коммуникации (индексы значимости)¹

Table 3

Motives of communication (significance indices)

Мотивы вступления в коммуникацию/ Motives for entering communication	Степень значимости мотива коммуникации / The degree of importance of the motive of communication
В общении вы обычно ведете себя так, чтобы избежать осуждения (доконвенциональный уровень мотива) / In communication, you usually conduct yourself in such a way as to avoid judgment (preconventional level of motive)	0,48
В общении вы обычно делаете то, что одобряется, что принято (конвенциональный уровень мотива) / In communication, you usually do what is approved, what is accepted (conventional level of motive)	0,52
В общении вы обычно обмениваетесь взглядами, даже в случае их несовпадения (постконвенциональный уровень мотива) / In communication, you usually exchange views, even if they do not coincide (postconventional level of motive)	0,43

Как видно из распределения мотивов коммуникации, среди ответивших выделяется как наиболее значимый, предполагающий одобряемые, общепринятые действия (0,52). В его основе лежат утвердившиеся в культуре нормы поведения, которые используются для рационализации своего взаимодействия. Тот факт, что нормативность лежит в основе коммуникации, указывает на интериоризированность нормы в структуре личности ответивших.

В мотиве вступления в интеракцию лежит идея социального порядка, обеспеченного коллективными смыслами, придающими устойчивость как коммуникации, так и социальному пространству, в котором действия разворачиваются. Таким образом, в реальных интеракциях преобладает выбор нормы конвенционального характера в структуре коммуникативной компетентности личности.

¹ Расчет индекса. Индекс значимости мотивов вступления в коммуникацию рассчитывался по формуле $(1 * A) + (0,5 * B) + (-1 * C) / 100\%$, где А – высокая степень значимости, В – невысокая степень значимости, С – низкая степень значимости мотива вступления в коммуникацию. Индекс может принимать значение от +1 до -1, где +1 обозначает высокий индекс значимости, -1 – абсолютно незначимый индекс значимости мотива вступления в коммуникацию.

При этом в ситуациях ценностно-смыслового разрыва сниженной оказывается значимость обмена взглядами и смыслами, когда актер выражает отличную от других позицию (0,43). Подобная постановка вопроса связывается с общим пространством коммуникации со сходными установками и детерминантами взаимодействия, когда инакомыслие не только не приветствуется, но приводит к смысловым разрывам общего социального пространства.

Подведем итог о представлениях респондентов о сущности и функциях коммуникации, мотивах вступления в интеракции. Суть коммуникации связывается у респондентов с общим социальным пространством, при этом основной функцией

коммуникации видится создание такого пространства. Ведущим мотивом вступления в коммуникацию для респондентов является поддержание созданного социального пространства. Таким образом, респонденты демонстрируют выраженные терминальные ценности в представлениях о коммуникации, что характеризует коммуникативную компетентность в реальных взаимодействиях.

Для определения средств коммуникации, применяемых респондентами, была применена методика поведенческих стратегий Томаса-Киллмена. В ответах респондентов отражены их установки о предпочитаемых способах поведения, характеризующих их коммуникативную компетентность.

Таблица 4

Коммуникативные установки (в процентах от числа опрошенных)

Table 4

Communicative attitudes (% of the total number of respondents)

Виды коммуникативных установок / Types of communicative attitudes	Реализуемая коммуникативная установка / Implemented communicative attitude	Ожидаемая коммуникативная установка со стороны окружения / Expected communicative attitude from other people
Приспособление / Adaptation	37,3	19,0
Избегание / Avoidance	20,4	8,0
Соперничество / Rivalry	19,6	2,0
Сотрудничество / Cooperation	13,5	32,0
Компромисс / Compromise	6,5	38,0

Наиболее предпочитаемый респондентами способ поведения – приспособление (37,3 %), то есть склонность к сохранению отношений в ущерб своему интересу, наименее предпочитаемый – 6,5% – компромисс. Другим стратегиям – избеганию, соперничеству, сотрудничеству – не отдается предпочтение. Доминирование приспособления как социальной практики связывается с адаптивностью к социальному пространству, с отсутствием потребности в инновациях, с устоявшимся характером социальных практик. Адап-

тивность указывает на институциональный характер коммуникативной компетентности, на заложенную в ее механизм готовность встраиваться в предлагаемые системой условия. Доминирование приспособления является чертой коммуникативной компетентности институционального типа.

Как видно из представленного распределения, между поведенческими установками респондентов и их ожиданиями от других просматривается достаточно слабое соответствие. Социально устойчивыми являются пары «сотрудничество-

сотрудничество» и «соперничество-приспособление» (Шендрик, 2006). В соответствии с распределением ответов респондентов, сочетание «сотрудничество-сотрудничество» назвали как наиболее приемлемое для них 6,1% ответивших, сочетание «соперничество-приспособление» – назвали 1,2% ответивших. 37,1% в качестве приемлемого способа поведения и ожидания от другого назвали «приспособление – компромисс». Стратегии поведения и ожидания в ответ не являются социально устойчивыми. Неэффективные средства коммуникации, которые выбирают респонденты в качестве поведенческих стратегий, коррелируют с низкими показателями степени значимости инструментальных целей и инструментальной функции коммуникации. Мы видим сочетание высокой ценности общего жизненного пространства, ориентацию на

его сохранение, приверженность норме коммуникации как коллективной ценности, интериоризацию идеи сохранности традиционных устоев общинной жизни – и дефицит в культурном бэкграунде респондентов средств реализации коммуникативных целей. Коммуникативная компетентность институционального типа в российских межличностных практиках характеризуется разрывом между терминальными и инструментальными целями, между значимостью общего социального пространства и дефицитом инструментов его сохранения.

На этом фоне респондентами достаточно высоко оценивается собственный уровень коммуникативной компетентности (Чанкова, 2018). Субъективное мнение респондентов об уровне своей коммуникативной компетентности распределилось следующим образом.

Таблица 5

Субъективное мнение респондентов об уровне своей коммуникативной компетентности (в%)

Table 5

Subjective opinion of respondents about the level of their communicative competence (%)

Самооценка коммуникативной компетентности / Self-assessment of communicative competence	% от числа ответивших /% of the number of respondents	Как, на взгляд опрошенных, оценивают окружающие их коммуникативную компетентность / How, in the opinion of the respondents, people around them assess their communicative competence	% от числа ответивших /% of the number of respondents
Высокий уровень / High level	40,0	Высокий уровень / High level	26,9
Скорее высокий / Rather high	42,7	Скорее высокий / Rather high	46,2
Скорее низкий / Rather low	5,4	Скорее низкий / Rather low	10,4
Низкий / Low	8,0	Низкий / Low	0
Не задумывался / Didn't think about it	3,9	Не задумывался / Didn't think about it	16,5

В соответствии с представленными эмпирическими данными, 82,7% респондентов расценивают свой уровень коммуникативной компетентности на высоком и скорее высоком уровне, что указывает на достаточно высокий уровень их интеграции в социальных связях. 17,3% сомневаются или считают себя некомпетентными (Чанкова, 2014). Чуть меньше, 73,1% ответивших видят себя коммуникативно компетентными в глазах окружающих. Данное распределение отражает не только самооценку ответивших, но и обратную связь, которую они получают на постоянной основе от других участников коммуникации. Можно пред-

тентными (Чанкова, 2014). Чуть меньше, 73,1% ответивших видят себя коммуникативно компетентными в глазах окружающих. Данное распределение отражает не только самооценку ответивших, но и обратную связь, которую они получают на постоянной основе от других участников коммуникации. Можно пред-

положить, что данное распределение отражает интегральную оценку эффективности межличностных коммуникаций респондентов в своем социальном пространстве и мы видим, что она является удовлетворительной. Несмотря на низкий уровень инструментальной оснащенности коммуникативной компетентности в межличностных взаимодействиях, респонденты удовлетворены качеством своих социальных связей и состоянием социального пространства. В подобного рода удовлетворенности межличностными взаимоотношениями, вероятно, кроется основа солидарности и единения россиян.

Дефицитарность применяемых средств коммуникации восполняется другими возможностями, имеющимися в арсенале коммуникативной компетентности респондентов. Так, в стратегии приспособления, преобладающей в распределении ответов, содержится адаптационный ресурс к коллективной жизни. Ценность приверженности норме усиливает адаптационный потенциал приспособления, этот социокультурный контур заложен в традицию российского коллективного уклада жизни.

Эмпирические результаты о сферах уверенности респондентов в коммуникации, представленных социальными кругами, приведены в таблице 6.

Уверенность в коммуникации в социальных кругах (в индексах значимости)¹

Таблица 6

Table 6

Communicative confidence in social circles (significance index)

Социальные круги / Social circles	Индекс уверенности / Confidence Index	Социальные круги / Social circles	Индекс уверенности / Confidence Index
Нестатусные (дружеские) социальные круги / Non-status (friendly) social circles	0,80	Статусные (служебные) / Status (service) social circles	0,60
Наемные работники / Wage-earners	0,42	Предприниматели / Entrepreneurs	0,25
Коренные жители / Native people	0,60	Мигранты / Migrants	0,19
Однонациональные / Single-national	0,43	Многонациональные / Multinational	0,23
Предпочитающие следовать норме / Preferring to follow the norm	0,49	Нарушители нормы, потому, что нравится ее нарушать / Norm breakers because they like to break it	0,1

¹ Расчет индекса коммуникативной уверенности рассчитывался по формуле $(1 \cdot A) + (0,5 \cdot B) + (-1 \cdot C) / 100\%$, где А – высокая степень коммуникативной уверенности, В – невысокая степень коммуникативной уверенности, С – низкая степень коммуникативной уверенности. Индекс может принимать значение от +1 до -1, где +1 означает высокий индекс коммуникативной уверенности, -1 – абсолютно незначимый индекс коммуникативной уверенности.

В соответствии с распределением, сферой, где респонденты чувствуют себя в общении наиболее уверенно, являются дружеские круги. В предпринимательских кругах уверенность в интеракциях представлена индексом значимости 0,25, это вдвое ниже сходного показателя среди наемных работников (0,42). Данное распределение может быть связано с нравственным портретом современного российского бизнесмена, нередко не вызывающим симпатий. Многонациональные и мигрантские социальные круги являются зоной коммуникативной неуверенности респондентов (0,23 и 0,19). Вероятно, что этнические различия в нормах и ценностях по сравнению с российскими, вызывают беспокойство, но не толерантность у респондентов.

Феномен межэтнического напряжения объясняется стереотипами «свой»-«чужой» (Дмитриев, 2015: 143) и связан часто с бессознательным желанием сохранения благополучия и соединением со «своей» группой (Дмитриев, 2015: 143). Данное объяснение проясняет некоторую жесткость в идентификации актора в межэтнических отношениях, а также низкую

коммуникативную уверенность и коммуникативную неэффективность в данной сфере.

Индекс уверенности в коммуникации в сообществах, где принято соответствовать норме – 0,49, а восприятие нарушителей нормы по причине пристрастия к девиациям – 0,1. Сопоставление данных установок указывает на достаточно жесткую их детерминацию в условиях однозначности институционального выбора, что для коллективного сознания является средством рационализации коммуникативных действий респондентов. Коммуникативная компетентность ответивших основывается на соблюдении нормы интеракции. Интересно, что мотивы нормативности во взаимодействии существенно различаются, однако ценность приверженности норме является объединяющим, интегрирующим фактором в коммуникациях респондентов, что указывает на ее институциональные основания.

Умения коммуникации, которыми владеют респонденты, распределились с точки зрения их значимости для реальных интеракций – следующим образом и представлены в таблице 7.

Таблица 7

Умения в коммуникации по степени значимости (в индексах)¹
(Зубок, Чанкова, 2019)

Table 7

Significance of communication skills (significance index)

Умения эффективного реального общения / Effective real communication skills	Значимость умений эффективного реального общения (в индексах) / Importance of effective real communication skills (significance index)
Понимание того, что вы хотите сказать / Understanding what you want to say when communicating	0,81
Понимание того, что хочет сказать ваш партнер / Understanding what your partner wants to say	0,83
Уважать позицию другого, даже если он не прав / Respect the position of another, even if they are wrong	0,59

¹ Расчет индекса значимости умений в коммуникации рассчитывался по формуле $(1 * A) + (0,5 * B) + (-1 * C) / 100\%$, где А - высокая степень значимости умений в коммуникации, В- невысокая степень значимости умений в коммуникации, С- низкая степень значимости умений в коммуникации. Индекс может принимать значения от +1 до -1, где +1 обозначает высокий индекс значимости умений в коммуникации, -1 – абсолютно незначимый индекс умений в коммуникации.

Как мы видим из распределения данных, наиболее высокий индекс значимости имеет умение понимать другого (0,81). Данное умение связано с сущностным признаком социальной коммуникации, что привносит степень устойчивости в социальные связи и отражает их институциональный характер. А вот уважение позиции другого (даже если он не прав) имеет намного более низкий индекс значимости (Зубок, Чанкова, 2019). Эти эмпирические данные отражают коллективистский характер взаимодействий и связаны с коллективностью сознания. Просматривается взаимосвязь между данными о низкой значимости иной позиции и низкой значимостью нарушений нормы. Вероятно, нарушать норму и думать иначе, с позиции коллективного сознания выглядит сходным образом и не дифференцируется.

Заключение (Conclusions). Коммуникативная компетентность современных россиян в их межличностных взаимодействиях имеет выраженный институциональный характер, а особенности ее элементов: ценностей, норм, умений, способов поведения, картин жизненного мира – обусловлены традиционно сложившимся укладом коллективной общинной жизни. Социальная межличностная жизнь россиян представляет собой определенную модель, в которой имеющиеся дефициты компенсируются и нивелируются детерминантами коллективной жизни. Россияне интегрированы в своем социокультурном пространстве, а их коммуникативная компетентность является средством интеграции и воспроизводства традиционной жизни.

Однако среда межличностных контактов россиян не является константой, идут интенсивные процессы их преобразования в виртуальные (Бабинцев, 2018; Зотов, 2017; Куренной, 2015; Макаревич, 2017; Шарков, 2009). В преемственности изменений между разными социокультурными средами в преобразованиях коммуникаций и коммуникативной компетентности одну из ключевых позиций занимают традиционные основы, проявляющиеся

на уровне исторической памяти. Понимание целерациональных и саморегуляционных социокультурных механизмов формирования коммуникативной компетентности, выявления параметров их устойчивости напрямую связано с глубинными социокультурными процессами коммуникации, сложившихся исторически. В данном свете компетентность россиян в межличностных контактах является органичной составляющей исследования коммуникативной компетентности в изменяющейся социально реальности. Представленные результаты являются вкладом в понимание тенденций развития российского социокультурного пространства как целого, так и части мирового социокультурного пространства.

Список литературы

- Бабинцев В. П., Шаповал Ж. А. Публичные коммуникации власти и общества в регионе: проблемы и возможности конструирования изменений // Власть. 2018. № 4. С. 7-15.
- Боголюбов Н., Николаева Ю. Актуальные формы кросс-культурных коммуникаций в XXI веке // В сб. Культура в фокусе научных парадигм. 2017.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. Пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995.
- Дмитриев А. В. Миграционные стереотипы в коммуникациях // Коммуникология. 2015. № 3. С. 140-148.
- Зотов В. В., Бабинцев А. В., Шаповал Ж. А., Губанов А. В. Российское пространство публичных коммуникаций: основные причины разрывов // Коммуникология. 2017. Т. 5, № 6. С. 61-75.
- Зубок Ю. А., Чупров В. И. Изменяющаяся социальная реальность в кризисном российском обществе // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10, № 1. С. 41-57.
- Зубок Ю. А., Чанкова Е. В. Коммуникативная компетентность в виртуальном пространстве: опыт эмпирического исследования. // ЦИТИСЭ. 2019. № 5 (22). С. 449-460.
- Кловайт Н. Конститутивные эффекты технологических фреймов в повседневном

взаимодействии // Социология власти. 2015. Т. 27, № 1. С. 166-180.

Куренной В. Введение в исследование культуры. URL: www.Postnauka.ru/video/142279.2015 (дата обращения: 4.11.2017).

Макаревич Э. Ф., Карпухин О. И. Глобальная культура коммуникации. М., 2017.

Осадчая Г. И. Социокультурные характеристики повседневных практик россиян: монография. М.: Издательство РГСУ, 2013.

Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000.

Реутов Е. В., Реутова М. Н., Колпина Л. В. Социальные сети и повседневные практики населения Белгородской области. // Социологические исследования. 2012. № 10. С. 34-41.

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. Пер. с нем.; Под ред. Д. В. Складова. СПб.: Наука, 2010.

Чанкова Е. В. Коммуникативная компетентность личности в условиях изменяющейся социальной реальности: дис. ... д-ра социол. наук. М., 2018. 382 с.

Чанкова Е. В. Коммуникативный портрет современного россиянина: границы компетентности // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2014. Т. 1, № 4 (126). С. 54-60.

Чанкова Е. В., Сорокин О. В. Традиционное и современное в коммуникативных практиках молодежи // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2021. № 1. С. 131-142.

Чупров В. И., Осипова М. А. Социология управления. Теоретические основы. М.: РУДН, 2011. 172 с.

Шарков Ф. И. Интерактивные электронные коммуникации (возникновение четвертой волны). М.: Дашков и Ко, 2009.

Шендрик И. Г. Теоретические основы проектирования образовательного пространства субъекта: монография. Екатеринбург: Изд-во Рос. проф-пед. ун-та. 2006.

Штомпка П. Социология: анализ современного общества / Пер. с польск. С.М. Червонной. М.: Логос, 2005.

Щюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках. / Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренкова. М.: МГУ, 1994.

Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. М.: Наука, 1972.

Rodin A. Sociocultural foundations in communication in contemporary society // Scientific research and development modern communication studies. 2016. Vol. 5, № 6.

Tuner L., West P. Communication Foundations // An Introduction to Communication. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. Pp. 1-2.

The Beatles as Sociocultural and Political Touchstones // The Beatles in Context (Composers in Context); K. Womack (Ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2020. Pp 245-288

Ting-Toomey S., Dorjee T. Communication Across Culture, Second Edition. New York, London: The Guilford PRESS, 2018.

References

Babintsev, V. P. and Shapoval, Zh. A. (2018), "Public communications of the authorities and society in the region: problems and opportunities for constructing changes", *Vlast*, (4), 7-15. (in Russian)

Bogolubova, N. and Nikolaeva, Y. (2017), "Current forms of cross-cultural communication in the XXI century", *Culture in the focus of scientific paradigms*, Moscow, Russia. (in Russian)

Berger, P. and Luckmann, T., (1995), *The social construction of reality. A treatise in the sociology of knowledge*, Translated in Rutkevich, E., Media, Moscow, Russia. (in Russian)

Dmitriev, A. V. (2015), "Migration activities stereotypes in communications", *Communicologiya*, (3), 140-148. (in Russian)

Zotov, V. V., Babintsev, V. P., Shapoval, Zh. A. and Gubanov, A. V. (2017), "Russian space of public communication: main causes of breaks", *Communicologiya*, 5 (6), 61-75. (in Russian)

Zubok, Y. A. and Chuprov, V. I. (2017), "Changing social reality in Russian society at the time of crisis", *Ekonomicheskie i sotsialniye peremeni: fakti, tendentsii, prognoz*, 10(1), 41-57. (in Russian)

Zubok, Y. A. and Chankova, E. V. (2019), "Communicative competence in space of the virtual reality: the experience of empirical researches", *TSITISE*, (5), 449-460. (in Russian)

Clovayt, I. (2015), "Constitutive externalities of technological stage frames in everyday link

interactions”, *Sociologiya vlasti*, 27(1), 171-179. (in Russian)

Kurennoy, V. (2015), *Introduction to cultural research*, available at: www.Postnauka.ru/video/142279.2015 (Accessed 4 November 2017). (in Russian)

Makarevich, E. F. and Karpukhin, O. I. (2017), *Global culture of communication*, Moscow, Russia. (in Russian)

Osadchaya, G. I. (2013), *Sociocultural characteristics of everyday practices of Russians: monograph*, RSSU, Moscow, Russia. (in Russian)

Parsons, T. (2000), *About social action structure*, Akademicheskiiy proect, Moscow, Russia. (in Russian)

Reutov, E. V., Reutova, M. N. and Kolpina, L. V. (2012), “Social trading networks and daily impact of the practices of the population of the profit of the Belgorod region”, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (10), 34-41. (in Russian)

Khabermas, Y. (2010), *Moral consciousness and communicative action*, Transl. by Skladov, D., Nauka, St.-Petersburg, Russia. (in Russian)

Chankova, E. V. (2018), “Communicative competence of the personality in the condition of the changing social reality”, D. Sc Thesis, Moscow, Russia. (in Russian)

Chankova, E. V. and Sorokin, O. V. (2021), “Traditional and modern in the communicative practices of the youth”, *Izvestiya visshih uchebnykh zavedeniy. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika*, (1), 131-142. (in Russian)

Chuprov, V. I. and Osipova, M. A. (2011), *Sociology of management. Theoretical basis*, RUFN, Moscow, Russia. (in Russian)

Sharkov, F. I. (2009), *Interactive electronic communications (emergence of the fourth wave)*, Dashkov & Co, Moscow, Russia. (in Russian)

Shendrik, I. G. (2006), *Theoretical foundations of the design of the educational space of the subject*, Russian Vocational Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia. (in Russian)

Shtompka, P. (2005), *Sociology: analysis of modern society*, Transl. by Chervonnaya, S., Logos, Moscow, Russia. (in Russian)

Shuts, A. (1994), “Formation of concepts and theory in social sciences”, in Dobrenkov, V. I. (ed.), *American Sociology Thought*, MSU, Moscow, 526-542. (in Russian)

Yadov, V. A. (1972), *Sociological research: methodology, program, methods*, Nauka, Moscow, Russia. (in Russian)

Rodin, A. (2016), “Sociocultural foundations of communication in contemporary society”, *Scientific research and development modern communication studies*, 5 (6).

Turner, L., & West, R. (2018), “Communication Foundations”, in *An Introduction to Communication*, Cambridge University Press, Cambridge, 1-2.

“The Beatles as Sociocultural and Political Touchstones” (2020), in Womack, K. (Ed.), *The Beatles in Context (Composers in Context)*, Cambridge University Press, Cambridge, 245-288.

Ting-Toomey, S. and Dorjee, T. (2018), *Communicating Across Cultures, Second Edition*, The Guilford PRESS, New York, London.

Статья поступила в редакцию 23 декабря 2020 г. Поступила после доработки 07 февраля 2021 г. Принята к печати 20 февраля 2021 г.

Received 23 December 2020. Revised 07 February 2021. Accepted 20 February 2021.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Чанкова Елена Вадимовна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью и дизайна Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия.

Сорокин Олег Владимирович, кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра социологии молодежи Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Elena V. Chankova, Dr in Sociology, Associate Professor, Professor of the Department of Advertising, Public Relations and Design, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia.

Oleg V. Sorokin, PhD in Sociology, Associate Professor, Senior Researcher, Center for Sociology of Youth, Institute for Social and Political Research, Federal Center of theoretical and applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.